ЦЕЛЕВЫЕ ФОНДЫ
В ФИНАНСИРОВАНИИ
РОССИЙСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ:

«Приступать к учреждению … заведений тогда только, когда к содержанию их назначены будут достаточные средства».

XIX — начало XX века

Краткий исторический очерк

Вид Сухаревской площади и рынка в 1856 году.
В центре Сухарева башня (будет снесена в 1934 году), справа Страннноприимный дом графа Шереметева (с 1923 - Институт неотложной помощи имени Н.В. Склифосовского)

В профессиональный лексикон современной российской благотворительности в последние годы прочно вошло слово «эндаумент». Оно представляет собой заимствование из английского языка и обозначает неприкосновенный капитал. Этимологически же слово *endowment* (известное с середины XV в. и в переводе означающее вклад, дарение, пожертвование) прослеживается, как считают лингвисты, от старофранцузского *douer*, которое в свою очередь восходит к латинскому глаголу *doto* (с формой *dotare*) – наделять приданым.

Синонимом термина «эндаумент» является словосочетание «целевой фонд» (реже «ресурсный капитал»). При создании эндаумента капитал вкладывается в акции, облигации или другие ценные бумаги для получения ежегодных процентов, на которые осуществляется благотворительная деятельность. В настоящее время в России создание эндаументов законодательно регулируется принятым в 2006 году Федеральным законом «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций».

Эндаумент-фонды действуют в странах Европы и Америки для поддержки образования и науки в университетах, медицинской помощи — в крупных больницах, культуры – в театрах и картинных галереях.

Обращение к истории российской благотворительности показывает, что здесь издавна применялась схема эндаумента.

Всем известна история Страннноприимного дома графа Шереметева. Лечебно-благотворительное заведение «для больных и бездомных» (строительство его шло в 1794–1810 годах) было устроено графом Николаем Петровичем Шереметевым в память о его умершей в возрасте 34 лет (через три недели после родов единственного ребенка) горячо любимой жене, бывшей крепостной актрисе Прасковье Ковалевой-Жемчуговой. Здание по проекту Дж. Кваренги стало одним из архитектурных шедевров классицизма. С 1923 года на базе Шереметевской больницы открылся Институт скорой помощи имени Н.В. Склифосовского.

При рассмотрении истории возникновения и финансирования Страннноприимного дома обнаруживается, что капитал размером 500 тыс. руб., пожертвованный графом Н.П. Шереметевым, с полным правом можно назвать одним из первых, если не первым, целевым капиталом в истории российской филантропии.

Обратимся к тексту закона – Именному указу императора Александра I, данному им Сенату 25 апреля 1803 года[1]. В своем представлении граф Н.П. Шереметев заявлял: «Во всех веках и у всех народов бедные люди, не имеющие способов к пропитанию, болезнями удручаемые и от многочисленности семейств своих бедствующие, обращали на себя предусмотрительную внимательность Государей и возбуждали сострадание избыточествующих граждан. … Руководствуясь непреложными обязанностями закона христианского и следуя побуждениям патриотического усердия, издавна положил я за непременное учредить в Москве **Странноприимный дом** для содержания в оном на моем иждивении **богадельни**, состоящей из 100 человек обоего пола и всякого звания неимущих и увечных и **больницы** на 50 человек для безденежного лечения в оной так же всякого состояния бедных»[2].

Сверх того предписывалось выдавать «на выдачу в замужество не имеющих приданого и осиротевших девиц» (25 человек) – 6000 рублей, на «вспоможение лишенным необходимого в жизни продовольствия и скудость претерпевающим семействам» – 5000 рублей (50 семейств) и на «восстановление обедневших ремесленников» чрез снабжение их необходимыми для работы инструментами и материалами 4000 рублей. Также ежегодно передавалось в монастыри и храмы 5000 рублей – на дела милосердия и на поминовение умершей супруги Н.П. Шереметева, а после его смерти и его самого.

Согласно воле Шереметева открытие Странноприимного дома следовало назначить на 23 февраля – день кончины супруги графа П. Ковалевой-Жемчуговой – и в последующие годы этот день поминовения отмечать заседанием Совета заведения и выдачей благотворительных сумм на пособия.

Устройство графом Шереметевым в Москве Странноприимного дома, на что было затрачено 2,5 млн. рублей, получило высокую оценку императора. Поступок Шереметева был расценен как «похвальный пример благотворительности». Николаю Петровичу в заседании Сената была вручена золотая медаль с вытисненным на ней его портретом.

Н.П. Шереметев (1751–1809) был одним из образованнейших людей своей эпохи, четыре года в юности (в возрасте 18-22 лет) он провел в Европе, обучаясь наукам. Видный вельможа при дворе императрицы Екатерины II, с 1777 года он был директором Дворянского банка.

Разбираясь в финансовых вопросах и, возможно, будучи осведомленным о финансировании филантропических заведений в Европе на проценты с капитала, граф Шереметев принял решение положить в Сохранную казну Воспитательного дома (Сохранная казна была кредитным учреждением) капитал в размере 500 000 рублей «для получения с оного процентов», как было указано в тексте закона 1803 года. С этого капитала ежегодно начислялось 25 тыс. рублей, которые пополняли бюджет Странноприимного дома.

Однако целевой капитал – полмиллиона рублей – был не единственным источником дохода. Он обеспечивал треть всех расходов. Еще 50 тыс. рублей заведение получало в виде оброка (то есть денежной повинности) от 8444 душ крепостных крестьян (проживавших в селе Молодой Туд с деревнями в Тверской губернии), принадлежавших графу Шереметеву – с условием, что эти селения никогда нельзя будет ни продать, ни заложить.

Итого в год расход на Странноприимный дом составлял 75 тыс. рублей.

Из этих средств ежегодно 43 тыс. рублей шло на содержание богадельни и больницы,

Портрет Прасковьи Ковалевой-Жемчуговой
(художник Н.И. Аргунов)
Крепостная актриса, отпущенная на волю графом Н.П. Шереметевым (изображен на медальоне)

1 Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). Собрание I. Т.XXVII (1802-1803). №20727.
2 Выделение слов содержится в подлиннике.

Портрет графа Н.П. Шереметева
(художник В.Л. Боровиковский)
Сквозь арку виден Странноприимный дом как главное деяние знаменитого филантропа, на кресле слева лежат чертежи устроенного благотворительного заведения.

20 тыс. – на пособия бедным невестам, бедным семействам и бедным ремесленникам, 2 тыс. – на непредвиденные расходы, 10 тыс. – «будущим преемникам учредителя за труд по управлению домом».

Устав Странноприимного дома был составлен Алексеем Федоровичем Малиновским (1762–1840) – видным историком-архивистом (с 1814 года главноуправляющим Московского архива Коллегии иностранных дел), отец которого протоиерей Федор Малиновский был духовником графа Н.П. Шереметева в Москве, а брат Василий Федорович – дипломатом, а с 1811 года работал директором Царскосельского лицея[3]. Высокий интеллектуальный уровень составителя Устава обеспечил продуманность финансового механизма.

После смерти Н.П. Шереметева в 1809 году, Алексей Федорович взял на себя труд заниматься делами Странноприимного дома, открытого в 1810 году, и последующие 16 лет, до 1826 года (пока сын графа Дмитрий Шереметев не стал взрослым), оставался смотрителем благотворительного заведения. Важно сказать об этом, чтобы было ясно, что распорядок финансирования и функционирования Странноприимного дома был разработан серьезнейшим образом и являлся настолько юридически выверенным, что четко функционировал последующие сто с лишним лет вплоть до 1917 года.

Все предписания строго исполнялись, а ежегодный отчет Странноприимного дома и сведения о выданных пособиях публиковались в газете «Московские ведомости» – полная гласность в делах и финансах Странноприимного дома предусматривалась в Уставе по воле графа Н.П. Шереметева.

Например, информация о 23 февраля 1823 года из газеты гласила, что в этот день в Странноприимном доме состоялось «годичное поминовение о незабвенном учредителе оного, графе Николае Петровиче и супруге его графине Прасковье Ивановне Шереметевых»[4]. Была отслужена панихида. После нее состоялась жеребьевка, в которой участвовало 39 бедных девиц, надеявшихся получить приданое по жребию (получили 30 из них, но приданое выдавалось не сразу, а лишь после предъявления свидетельства о венчании в течение последующих пяти лет, если же девушка не выходила за эти пять лет замуж, то теряла право на приданое).

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.
№ 20
1823 года
Суббота,
Марта 10 дня.

Въ пятницу, минувшаго Февраля 23 го дня, въ Страннопріимномъ Домѣ Графа Шереметева происходило годичное поминовеніе о незабвенномъ Учредителѣ онаго, Графѣ Николаѣ Петровичѣ, и супругѣ его, Графинѣ Прасковьѣ Ивановнѣ Шереметевыхъ. Въ Страннопріимной церкви Божественную литургію совершалъ Преосвященный Аѳанасій, Епископъ Дмитровскій, Московской Митрополіи Викарій, съ приглашеннымъ для сего духовенствомъ. По провозглашеніи во храмѣ Божіемъ вѣчной памяти благодѣтельствующимъ и за предѣлами гроба, почтившіе сіе собраніе присутствіемъ своимъ прошли въ большую залу для сего собранія, гдѣ началось засѣданіе Совѣта, всегда опредѣляющаго въ сей день приданое дѣвицамъ, годовые оклады бѣднымъ семействамъ и раздачу суммъ, посвященныхъ Учредителемъ на дѣла милосердія. Тамъ 39 дѣвицъ всякаго званія, большею частію изъ сиротъ, допущены были къ жеребью на приданое по билетамъ, въ числѣ которыхъ

Фрагмент ежегодного отчета Странноприимного дома о годичном собрании и раздаче пособий бедным невестам.
Газета «Московские ведомости», 1823 год

Были розданы билеты бедным семействам для получения годовых пенсий», пособия бедным ремесленникам в виде инструментов и материалов. По отчету в 1822 году состояло в богадельне 77 мужчин и 67 женщин, а в больнице «лечилось безденежно» 385 мужчин и 375 женщин, семьям же умерших больных выделялись средства на похороны. Всего в 1822 году была оказана помощь 2040 лицам, в том числе частично пособия были розданы из дополнительной суммы, внесенной 19-летним сыном учредителя Дмитрием Николаевичем Шереметевым.

В последующие годы схема финансирования филантропических нужд из процентов с неприкосновенных капиталов находила всё большее применение. К примеру, в Московском Купеческом обществе с 1814 года была начата выдача пособий «бедным невестам», когда по завещанию купца Алексея Гурова поступило 14 тыс. рублей для выдачи из процентов пособий двум бедным невестам ежегодно. В последующее столетие в этот фонд, работавший по схеме целевых капиталов, поступило от купечества более 30 крупных пожертвова-

3 См.: Малиновский А.Ф. Учреждение и стат Странноприимного в Москве дома, заводимого иждивением действительного тайного советника и обер-камер-гера графа Шереметева. СПб., [1803].
4 Московские ведомости. 1823. № 20. 10 марта.

Вид на Странноприимный дом с Сухаревой башни
(*предположительно 1920-е годы*)

ний, а совокупная денежная масса составила к 1890 году около 750 тыс. рублей. Наибольшими из этих целевых капиталов были 95 тыс. рублей по завещанию Михаила Крашенинникова, 100 тыс. рублей по завещанию Петра Куманина и 136 тыс. рублей от Ивана Баева-старшего. Ежегодно проценты составляли 25-30 тыс. рублей, из которых выдавалось 240–290 пособий дочерям купцов, чиновников, военных, а также дворянкам, мещанкам и цеховым, постоянно проживавшим в Москве.

Что касается законодательства, то можно дать совершенно точную датировку появления правовых норм, обеспечивающих функционирование целевых капиталов в области филантропии. Первый закон об эндаумент-фондах (которые, конечно, не назывались так, но по сути ими являлись) был издан в Российской империи 27 декабря 1817 года (в виде сенатского указа) и носил название «О пожертвованиях в пользу богоугодных заведений и об употреблении оных, согласно с волею жертвователя».

Этот закон впервые установил правило, по которому приступать к учреждению богоугодных заведений следовало только в случае «когда к содержанию их назначены будут достаточные средства; в противном же случае пожертвования, на сии заведения назначаемые, обращать в общую массу, и тогда уже приступать к учреждению общественных заведений, когда накопится достаточное количество суммы»[5].

Появление же указа было связано с конкретным эпизодом, когда в июне 1816 года купец Синцов из города Орлова Вятской губернии выстроил на свои деньги каменную богадельню на 50 человек и внес 5 тыс. рублей на нужды пациентов. Купца зауважали за богоугодное дело. Но уже через год стало ясно, что существование заведения находится под угрозой, поскольку благотворитель не обеспечил его достаточными средствами на содержание – внесенных им 5 тыс. рублей не хватило для «прокормления» призреваемых[6]. Главный попечитель Императорского Человеколюби-

5 ПСЗ I. Т.XXXIV (1817). №27199.

6 Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф.768. Оп.2. Д.7.

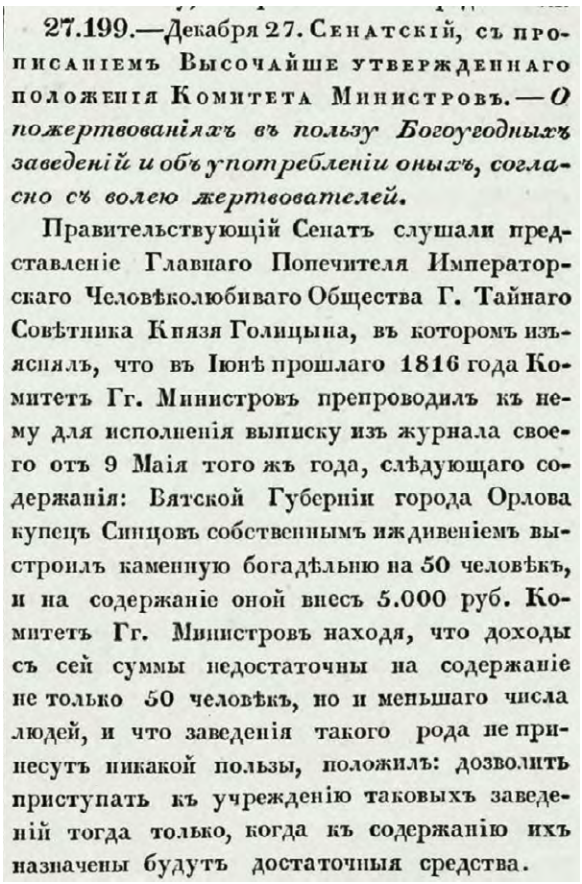
вого общества (в ведомстве которого была Орловская богадельня) князь А.Н. Голицын, которому передали из Комитета министров дело для разбирательства вместе с членами совета Человеколюбивого общества составил правила, чтобы избежать таких ситуаций в будущем.

После издания составленного по этим правилам закона (от 27 декабря 1817 г.), волю жертвователя следовало исполнять только в случае, если средства на устройство и содержание заведений окажутся достаточными. Мелкие же пожертвования «обращались в общую массу». Исполнение закона «О пожертвованиях в пользу богоугодных заведений» возлагалось на гражданских губернаторов и начальников ведомств, в пользу которых шли пожертвования.

Под контролем Совета Императорского Человеколюбивого общества с этого момента, как правило, на повседневное содержание пациентов благотворительных заведений стали расходовать не сами суммы, пожертвованные благотворителями, а только получаемые с этих сумм проценты. До формирования полноценной банковской системы в Российской империи (что произошло уже в 1850-е – 1860-е годы) капиталы могли храниться либо в Приказах общественного призрения, либо в Сохранной Казне Воспитательного дома.

Имевшиеся в каждой губернии Приказы общественного призрения фактически исполняли функции государственных губернских ипотечных банков, согласно статье 382 «Учреждения о губерниях» (1775), по которой предписывалось отпускать Приказам по 15 тыс. рублей из доходов соответствующих губерний. Эта сумма являлась основным капиталом, и из нее могли выдаваться ссуды за узаконенные проценты «на верные заклады», но только на заложенные имения той губернии, где находился Приказ.

Закон 27 декабря 1817 года стал прецедентом для дальнейшей регламентации – установленный им порядок был «строжайше» подтвержден и развит – вначале 12 мая 1843 года актом «О суммах, жертвуемых частными лицами на благотворительные учреждения»[7], затем 9 октября 1851 года – «О Высочайшем запрещении открывать благотворительное заведение до того времени, пока оно не будет иметь всех средств, необходимых для его содержания»[8].



27.199.—Декабря 27. Сенатскій, съ прописаніемъ Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Министровъ.—*О пожертвованіяхъ въ пользу Богоугодныхъ заведеній и объ употребленіи оныхъ, согласно съ волею жертвователей.*

Правительствующій Сенатъ слушали представленіе Главнаго Попечителя Императорскаго Человѣколюбиваго Общества Г. Тайнаго Совѣтника Князя Голицына, въ которомъ изъяснялъ, что въ Іюнѣ прошлаго 1816 года Комитетъ Гг. Министровъ препроводилъ къ нему для исполненія выписку изъ журнала своего отъ 9 Маія того жъ года, слѣдующаго содержанія: Вятской Губерніи города Орлова купецъ Синцовъ собственнымъ иждивеніемъ выстроилъ каменную богадѣльню на 50 человѣкъ, и на содержаніе оной внесъ 5.000 руб. Комитетъ Гг. Министровъ находя, что доходы съ сей суммы недостаточны на содержаніе не только 50 человѣкъ, но и меньшаго числа людей, и что заведенія такого рода не принесутъ никакой пользы, положилъ: дозволить приступать къ учрежденію таковыхъ заведеній тогда только, когда къ содержанію ихъ назначены будутъ достаточныя средства.

Выдержка из публикации закона от 27 декабря 1817 года.

Установившаяся классификация пожертвований включила четыре вида: 1) пожертвование в виде недвижимости, 2) капитал на устройство заведения, 3) капитал расходный; и наконец, 4) **капитал неприкосновенный**.

Капиталы неприкосновенные, о которых пойдет речь далее, и стали в российской благотворительности XIX – начала XX в. тем, что теперь обозначено дефиницией «эндаумент» или целевой капитал.

Признаками этих неприкосновенных целевых капиталов были: относительно крупный размер денежной массы, размещение в ценных бумагах, ежегодный контроль со стороны учреждения-распорядителя.

Целевые неприкосновенные капиталы играли важную роль в финансировании благотворительности, к примеру, их доля в денежном выражении составила 37% всех пожертвований переданных Московской городской думе на помощь неимущим за 42 года (1863–1904), о которых имеется подробная статистика[9].

7 РГИА. Ф.768. Оп.2. Д.7. Л.168. Министр внутренних дел В.Л. Перовский 14 мая 1843 году подписал циркуляр о наблюдении за выполнением Высочайше утвержденных 17 июля 1817 г. правил, касательно пожертвований в пользу благотворительных заведений.

8 ПСЗ II. Т.XXVI (1851). № 25531.

9 Посчитано по изданию: Городские учреждения, основанные на пожертвования, и капиталы, пожертвованные Московскому городскому общественному управлению в 1863-1904 гг. М., 1906. С. 445–470.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

№ 53

Дано сіе изъ Московской Купеческой Управы

Московской Купеческой дочери, дѣвицѣ

Аннѣ Петровнѣ Коченовой въ томъ, что

по журналу Купеческой Управы 21 января 1902 года

назначено ей выдать въ пособіе на приданое изъ процентовъ съ капитала К. А.

Попова пятьсотъ

рублей, съ тѣмъ, что деньги эти будутъ выданы ей, Коченовой,

по выходѣ ея въ замужество и по представленіи настоящаго свидѣтельства **съ удостовѣреніемъ на немъ священника,** которымъ будетъ совершенъ бракъ. Свидѣтельство это имѣетъ силу въ теченіи пяти лѣтъ со дня назначенія пособія, но, ко времени истеченія срока, можно ходатайствовать о возобновленіи его на новый пятилѣтній срокъ.

Января 21 дня 1902 года.

Примѣчаніе: Болѣе одного пособія на приданое одному лицу не назначается и потому, разъ получившимъ свидѣтельство на полученіе пособія, таковое не можетъ быть назначено вторично.

Р. № 571

Б. с. 15

Членъ Управы

Бухгалтеръ

За Столоначальника К. Шкларевичъ

Свидетельство бедной невесты

Благотворительные капиталы хранились в ценных бумагах. Во второй половине XIX века наиболее надежными для вложения средств были государственные 4%-ые, 4,5%-ые и 5%-ые бумаги. В царствование Александра II дважды – в 1864 и 1866 годах – были выпущены 5% выигрышные займы (на 100 млн. руб. каждый) на срок 60 лет. По этим займам, тираж которых проходил дважды в год, наряду с выплатой ежегодных 5%, до середины 1890-х годов также проводились лотереи с денежными призами от 500 до 200 тыс. рублей[10].

Например, капиталы Приказов общественного призрения, помимо процентов на первоначальные 15–тысячные вклады, включили благотворительные частные пожертвования. К 1 января 1862 года в ведении Приказов числилось вкладов на благотворительное употребление – 3 937 083 рублей. Означенные суммы хранились в 4,5% облигациях Главного общества российских железных дорог и в 6% билетах Комиссии погашения государственных долгов.

Во второй половине XIX – начале XX века в ценных бумагах хранились неприкосновенные благотворительные капиталы во всех благотворительных ведомствах.

В том числе, например, перешедшие к Московскому Купеческому обществу по завещанию текстильного фабриканта-миллионера Герасима Ивановича Хлудова, владельца крупнейшей бумагопрядильной фабрики, основанной отцом промышленника еще в 1845 году в Егорьевске Рязанской губернии.

Несколько слов о филантропе, пожертвовавшем в пользу бедных более 775 тыс. рублей. Герасим Иванович (1821–1885) с юности отличался пытливым умом. В пятнадцать лет начал вести дневник и делал в нем записи в течение 43 лет, в частности, описал церемонию закладки храма Христа Спасителя, встречу Александра II, похороны Н.В. Гоголя, пожар Большого театра[11]. Хлудов был известным московским коллекционером, в его собрании были живописные полотна русских художников Перова, Федотова, Капкова, Риццони, Айвазовского.

Хлудовых никак нельзя было причислить к «темному царству» – они вели необычный для купеческой среды образ жизни. Журнал «Исторический вестник» в одном из очерков, опубликованных в 1893 году, сообщал: «Дом свой Герасим Иванович вел на самую утонченную ногу, да и сам смахивал на англичанина. У него не раз пировали министры финансов и иные тузы финансовой администрации. Сад при его доме, сползавший к самой Яузе, был отделан на образцовый английский манер и заключал в себе не только оранжереи, но и птичий двор, и даже зверинец».

Герасим Иванович Хлудов

Семья мануфактур-советника Герасима Ивановича Хлудова прославилась широкой благотворительностью, причиной которой многие современники считали трагедию самой семьи. Кроме четырех взрослых дочерей в семье Герасима Ивановича любимым ребенком был младший сын Павел. Когда Павел внезапно скончался в возрасте 22 лет, то горю родителей не было предела. О смерти наследника миллионного состояния ходили разные слухи: одни говорили, что он был неизлечимо болен, другие считали, что родители избаловали сына до предела, мало контролировали его, когда он обучался коммерции в Лондоне, и жизнь на широкую и разгульную ногу свела юношу в могилу.

Лишившись наследника по мужской линии, Г.И. Хлудов не оправился от потрясения и вскоре умер. По духовному завещанию Герасим Иванович передал в ведение Московского Купеческого общества полмиллиона рублей, на которые в мае 1888 года был открыт дом призрения имени Г.И. Хлудова. Дом призрения в Сыромятниках включил в себя

10 Лифлянд Л.И., Петров Ю.А. Век акций, рент и облигаций. Ценные бумаги Российской империи. М., 2005. С.26.

11 См. Новикова: Е.Б. Хроника пяти поколений. Хлудовы, Найденовы, Новиковы… М., 1998.

Дом призрения имени Г.И. Хлудова

богадельню на 80 человек и дом бесплатных квартир на 150 вдов с сиротами[12].

Наряду с этим пожертвованием в завещании Хлудова предполагались также выплаты на сумму 245 тыс. рублей, включая 35 тыс. для бедных к праздникам Рождества и Пасхи; 50 тыс. рублей – Егорьевской городской думе на пособия бедным невестам; 35 тыс. рублей – на пособия церквам, монастырям Москвы, Московской, Рязанской и Ярославской губерний.

Все суммы, кроме денег на строительство и оборудование Дома призрения, Хлудов в собственноручно подписанном завещании обозначил как «вечные неприкосновенные вклады» и предписал хранить «в государственных процентных бумагах, приносящих не менее 5% дохода»[13]. Эти ценные бумаги затем передавались душеприказчиками в соответствующие распорядительные органы. К примеру, ценные бумаги неприкосновенного капитала, проценты с которого шли на содержание Дома призрения имени Г.И. Хлудова в Москве, были переданы в счетное отделение Московской Купеческой управы, а ценные бумаги на сумму 50 тыс. рублей для выдачи ежегодных пособий бедным невестам – Егорьевской городской думе.

Подобно Хлудову действовали и другие благотворители, избравшие распорядителем своей филантропической воли Московское Купеческое общество. Купец А.А. Хлебников в 1857 году пожертвовал на богадельню 237 746 рублей в непрерывно-доходных билетах. Братья Солодовниковы в 1862–1878 годах внесли на содержание Солодовниковской богадельни 420 тыс. рублей в облигациях. 200 тыс. рублей капитала Петро-Николаевской богадельни, устроенной Н.Г. Куманиным в 1868 г., хранились в ценных бумагах[14].

Как уже было упомянуто выше, оптимальная технология хранения капиталов в доходных ценных бумагах применялась и Московским городским общественным управлением. Только неприкосновенные благотворительные капиталы, принадлежащие Москве, составляли на 1 января 1912 года 7 951 699 рублей. Банковские проценты с них и доходы с недвижимых имуществ (пожертвованных городу на дело помощи бедным) ежегодно

12 См.: Двадцатипятилетие дома призрения бедных в Москве мануфактур-советника Герасима Ивановича Хлудова. М., 1916.

13 Центральный государственный архив г. Москвы (далее ЦГА г.Москвы). Ф.108 (Московский Воспитательный дом). Оп.2. Д.1007. Л.3об.

14 Отчет с объяснениями о доходах и расходах общественных и благотворительных сумм Московского Купеческого общества за 1890 г. М., 1891. С. 226, 230, 262.

Николаевско-Мининская богадельня в Нижнем Новгороде,
открытая в 1865 году на целевой капитал, пожертвованный купцом Вяловым,
с последующими пожертвованиями других нижегородских купцов.

приносили в кассу городского управления 334 076 рублей, что составляло более трети суммы, которую город употреблял на благотворительные цели из своих собственных (бюджетных) средств[15].

В ценных бумагах хранились крупнейшие капиталы, перешедшие городу, в частности, в результате 750-тысячерублевого пожертвования Н.И. Боева на дом призрения (1890), перехода к городу художественной галереи П.М. Третьякова (1892, стоимость здания и коллекций оценивались почти в полтора миллиона рублей), с получением пожертвования более 2 млн. рублей на больницу и богадельню по духовному завещанию А.К. Медведниковой (1900) и 1 млн. 63 500 рублей на ремесленное училище по духовному завещанию Ф.Я. Ермакова (1906).

Этот порядок повсеместно распространился на сферу благотворительности в Империи. Например, в Нижнем Новгороде в ценных бумагах хранились все благотворительные пожертвования, переданные городскому общественному управлению. Благотворительный «неприкосновенный» капитал Д.А. Обрядчикова (пожертвован им по завещанию в 1895 году) в размере 160 987 рублей сохранялся в ценных бумагах. Получаемые проценты (до 6300 руб. в год) шли на пособия бедным, приданое бедным невестам, дому трудолюбия, на стипендии беднейшим ученикам городских школ[16].

Капитал Николаевско-Мининской богадельни составил на 1 января 1913 года 214 713 рублей, из которых 209 650 рублей заключалось в процентных бумагах и 5063 рублей в наличных деньгах[17]. Проценты составляли 9792 рублей в год (1912). С добавлением прочих средств, а именно, текущих пожертвований от благотворителей и выигрышей вышедших в тираж облигаций 5%-го займа города Нижнего Новгорода, годовая сумма составила 19 783 рублей, что позволило содержать в богадельне 271 неизлечимо-больного пациента, а также бесплатную столовую для беднейших жителей города.

Муниципальные управления Москвы, Петербурга, Нижнего Новгорода, других крупных городов шли в авангарде благотворительности в Российской империи. Это проявлялось также в оптимизации распоряжения финансами. В 1912 году Москва фактически

15 Общественное призрение Московского городского управления. М., 1914. С.6.

16 Отчет о деятельности Нижегородской городской управы и о состоянии подведомственных ей частей, заведений и имуществ за 1913 год. Нижний Новгород, 1915. С.476.

17 Там же. С.480.

По справкѣ оказалось, что:

I. Нижегородскій купецъ Вяловъ, духовнымъ завѣщаніемъ 3 Февраля 1838 года, предоставилъ проценты съ жертвуемыхъ имъ 20.000 руб. сер. употреблять, по назначенію городскаго общества, въ пользу бѣднѣйшихъ Нижегородскихъ мѣщанскихъ семействъ, а также престарѣлыхъ, убогихъ и обремененныхъ семействами лицъ этого сословія.

Означенные 20.000 руб. сер. въ настоящее время обращаются изъ процентовъ въ Нижегородскомъ Николаевскомъ общественномъ Банкѣ.

Выдержка из публикации закона
от 7 октября 1866 года
с утверждением устава
Мининской общественной богадельни
в Нижнем Новгороде

перешла к созданию общегородского целевого фонда современного типа, что стало важной вехой в координации процесса городской благотворительности.

Благотворительные капиталы стали занимать существенное место в финансовом хозяйстве Московского городского общественного управления. Доклад Московской городской управы № 128 от 19 марта 1911 года «О порядке управления городскими капиталами и фондами» гласил, что городские капиталы достигают более 20 млн рублей, в том числе, неприкосновенные – 12 млн. рублей, специальные – 7 млн., депозитные (училищ, церквей, попечительств о бедных, выморочных имуществ и т. п.) – 2 млн.[18] Городская дума поддержала новую организацию управления благотворительными капиталами.

В целях более свободного пользования фондами в общих интересах города и ограждения неприкосновенных капиталов от случайностей на рынке ценных бумаг было решено «фонды, то есть, все принадлежащие городу процентные бумаги» перевести на один общий счет, «без распределения этих процентных бумаг в пакетах по каждому капиталу и без присвоения каждому капиталу определенных процентных бумаг за определенными номерами». А для повышения доходности сочли возможным «акции неприкосновенных капиталов» разменивать «на наличные деньги при поступлении» и на вырученные деньги приобретать «ходовые процентные бумаги»[19].

При содействии городского головы Н.И. Гучкова с 1 октября 1912 года в управе был устроен специальный отдел по управлению городскими капиталами и фондами. В новом подразделении сосредоточивались все дела по капиталам, пожертвованным городу на благотворительные цели и нужды, «не касаясь существующего порядка приведения в исполнение воли жертвователей». При унификации доходности всех фондов на благотворительность была сохранена отдельная отчетность по доходам и расходам каждого капитала. Начисление однообразного процента, строго установленного наперед, вносило порядок в управление капиталами.

В течение более столетия развития благотворительности в XIX – начале XX века финансовая политика благотворительных ведомств и учреждений эволюционировала в сторону оптимизации управления и увеличения доходности капиталов.

Накануне 1917 года подавляющее большинство благотворительных капиталов находилось в распоряжении целевых фондов. Это позволило сделать ресурсные капиталы неуязвимыми в условиях колебания финансового рынка и обеспечить общественный контроль над добросовестным использованием денег, дарованных благотворителями для помощи нуждавшимся согражданам.

18 ЦГА г.Москвы. Ф.179. Оп.57. Д.1276. Л.35.
19 Там же. Л.35об.

Сведения об авторе

Галина Николаевна Ульянова (род. 1959) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, специалист по социальной и экономической истории России конца XVIII–XX вв., автор книг: «Благотворительность московских предпринимателей. 1860-1914» (1999; 2014); «Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века (2005). Работы опубликованы в России, Германии, США, Великобритании, Финляндии. Лауреат премии митрополита Макария (1997). Член редакционного совета журнала «Russian Studies in History» (США). Эксперт программы «Благотворительность в России как социальный институт: история и развитие» Международного благотворительного фонда имени Д.С. Лихачева и научный редактор ежегодников «Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования» (Вып. 1–5. СПб., 2001–2006). Руководитель международного научного проекта «Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи» (2004–2007).